

известия - 1999 - 28 окт. - с. 10

Сто лет с Жаровым

Он мог играть злодея, а его все равно любили

Валерий КИЧИН

«Зачем Мустафу убил?» — кричали вслед будущему народному артисту мальчишки. При этом блатную песенку бандюги Жигана «Нас на свете два громилы» из фильма «Путевка в жизнь» охотно распевали.

Так было с **Михаилом Жаровым** всегда. Он играл зловещего Малюту Скуратова в «Иване Грозном» или подлеца Дымбу в «Трилогии о Максиме», или хитрована Меншикова в «Петре Первом» — а его все равно любили как Жарова, само воплощение добродушного русского мужичка-философа.

Ровесник века, он вырос в московских переулках и был свидетелем всех революций — технических, политических, социальных. Кино еще верещало в пеленках — а он уже снимался рядом с Шляпиным, пятнадцати лет от роду, в мас-

совке «Псковитянки». Служил в опере Зимины, работал у Мейерхольда и Таирова, бросал Москву и ехал изучать жизнь в Поволжье, на Кавказ. Играл мадам Брандахлыстову в «Смерти Тарелкина» у Мейерхольда, Кочкарева из «Женитьбы» в Баку, Тихона и Епиходова в Казани, Алексея в «Оптимистической трагедии» у Таирова. Потом навсегда осел в Малом театре, попутно со всем этим сыграв почти семь десятков ролей в кино.

В советском кино было несколько фигур знаковых, или, как сказали бы сейчас, «культурных». Когда такие люди уходили, казалось, что потускнело все кино. Оно стало совсем другим без Орловой, Черкасова, Крючкова, Андреева, Марещкой, Раневской. Оно съезжилось без Жарова. Когда эти люди ушли, из кино ушел зритель. Вряд ли это случайное совпадение.

Михаил Жаров, Николай Плотников и Ростислав Плятт. 1976 год. Снимок из архива Сергея Смирнова. Публикуется впервые